

Раннесредневековые фибулы из Нетайловского могильника салтово-маяцкой культуры.

Среди обширного и разнообразного материала из раннесредневекового Нетайловского могильника салтово-маяцкой культуры (с. Нетайловка Волчанского района Харьковской обл.), особое место занимает коллекция фибул. По нашему мнению, обнаруженные в захоронениях данного могильника фибулы могут помочь уточнить время возникновения данного некрополя и пролить свет на этническую принадлежность населения, оставившего данный памятник.

Нетайловский могильник салтово-маяцкой археологической культуры был открыт и первоначально исследовался в 1959–1961 гг. археологической экспедицией Института археологии Украины под руководством Д. Т. Березовца в ходе работ, проводимых в зоне сооружения Печенежского водохранилища (р. Северский Донец). Уже первые раскопки этого некрополя привлекли внимание широкого круга исследователей и причиной тому были специфические особенности погребального обряда¹. С созданием в 1961 г. Печенежского водохранилища исследования могильника прекратились, а по прошествии ряда лет он уже стал считаться затопленным водами Печенежского водохранилища.

В 1991 году произошло второе открытие Нетайловского могильника отрядом Новостроечной экспедиции Харьковского госуниверситета под руководством А. В. Крыганова. С именем этого исследователя связаны работы, проводимые на могильнике начиная с 1991 по 2004 гг. В 2002–2004 гг. исследования на Нетайловском могильнике проводила археологическая экспедиция Международного центра хазароведения Восточноукраинского филиала Международного Соломонова университета под руководством В. К. Михеева. В 2004 г. параллельно с работами Международного Соломонова университета (МСУ) на могильнике проводили раскопки археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины под руководством А. В. Комара и Охранная археологическая экспедиция А. В. Крыганова. Количество исследованных на могильнике захоронений салтовского времени составило 431.

Из 124 захоронений, исследованных в 1959–1961 гг. только в трех погребениях были обнаружены фибулы. В захоронениях №16, 54 были обнаружены остатки железных, очень коррозированных арбалетовидных фибул с широкой спинкой. В захоронении №14

была найдена серебряная арбалетовидная фибула со щитком на корпусе, украшенная по спинке и иглоприемнику насечками, которые образуют орнамент в виде елочки².

За последние годы фибулы были обнаружены еще в пяти захоронениях. Эти фибулы относятся к тому же типу, что и найденные ранее в захоронениях Нетайловского могильника. Однако, по форме они могут быть отнесены к разным вариантам.

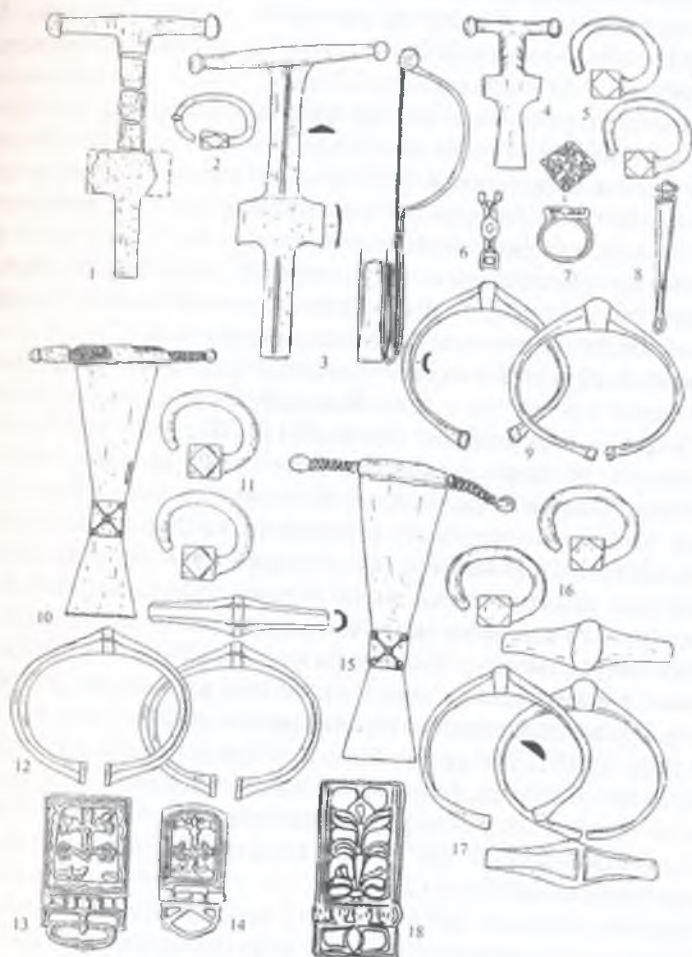

Рис. 1. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника и вещи найденные с ними.

1 — погр. №143; 2, 3 — погр. №398; 4-9 — погр. №396;

10-14 — погр. №164“В”; 15-18 — погр. №350.

1-3, 6, 9, 17 — бронза; 4, 5, 7, 8, 10-16, 18 — серебро.

Вариант 1. Литые арбалетовидные фибулы с прямоугольным щитком на корпусе, в месте перехода спинки в вытянутую пластинчатую ножку (Рис.1: 1, 3, 4). Соединение игл шарнирное. Фибулы имеют по одной перекладине. Конец ножки подогнут и образует иглоприемник. Спинка выгнутая, по ее центру проходит своеобразное ребро жесткости. Две фибулы бронзовые (погр. №143, 398), одна серебряная (погр. №397). Игла и перекладина — железные. Спинка серебряной фибулы из погребения №397 украшена насечками, которые образуют орнамент в виде елочки. Высота бронзовых фибул достигает 13,0—13,5 см, тогда как высота серебряной фибулы составляет всего 6,0 см.

Аналогичные фибулы, а также подобные фибулы, но с тремя полукруглыми выпуклинами на конце ножки, достаточно широко представлены в памятниках VIII—IX вв. Осетии, Дагестана и Чечено-Ингушетии³. Единичные экземпляры подобных фибул с тремя полукруглыми выпуклинами на конце ножки встречены в захоронениях Верхне-Салтовского катакомбного могильника (кат. №25), расположенного напротив Нетайловского могильника на противоположном берегу Печенежского водохранилища.

Вариант 2. Кованные арбалетовидные фибулы с трапециевидной пластинчатой прогнутой спинкой и лопатовидной плоской ножкой (Рис.1: 10, 15). Обе фибулы (погр. №164“Б”, 350) серебряные. Соединение игл шарнирное. Иглы и перекладины выполнены из железа. Конец ножки подогнут, и образует иглоприемник. В месте перехода спинки в ножку располагается квадратный в плане щиток, слегка возвышающийся над поверхностью ножки. Щиток украшен двумя гравированными линиями, проведенными из угла в угол, из-за чего его поле оказалось поделенным на четыре равносторонних треугольника. У фибулы из погр. №164“Б” углы образовавшихся треугольников дополнительно украшены единичными точками. Такие же точки выгравированы и по углам квадратного щитка (Рис.1: 10). Место пересечения гравированных линий и углы квадратного щитка фибулы из погребения №350 украшены чеканными одиночными солярными знаками (Рис.1: 15). Высота фибулы из погребения №164“Б” составляет 13,7 см, высота фибулы из захоронения №350 — 12,6 см.

Аналогии данным фибулам мне не известны. Типологически они близки некоторым фибулам с лопатовидной плоской ножкой из дагестанских памятников VIII—IX вв⁴.

Находки данных разновидностей фибул в “классических” салтово-маяцких древностях не известны, что позволяет поставить вопрос о времени попадания данных изделий в верховья Северского

Донца. Решение этого вопроса возможно путем рассмотрения остального погребального инвентаря захоронений, содержащих выше описанные фибулы.

Погребение №164“Б”, по всей видимости, можно датировать третьей четвертью VIII века. На это указывают обнаруженные в захоронении две серебряные литые безъязычковые пряжки. Каждая из них имеет подвижную рамку пятиугольной формы с внутренними перекладинами, соединенную с помощью шарнира со штифом прямоугольной или полуовальной формы, орнаментированной ажурной растительной композицией, состоящей из ветвей трехлепестковых пальметт и трилистников (Рис.1: 13, 14). Подобные пряжки известны в материалах так называемых “курганах с ровиками”⁶, приписываемые собственно хазарам. Подобные изделия большинство исследователей склонны относить к Салтовско-Романовскому хронологическому горизонту (около 720/740 — 760/780 гг.)⁶. Такая датировка комплекса подтверждается происходящим из данного захоронения золотым византийским солидом Константина V Капронима, чеканенным в 751—757 гг., ибо большинством исследователей разделяется мнение А. И. Семенова о незначительном “запаздывании” (в пределах 20 лет) византийских монет в памятниках этого времени⁷.

Несколько более поздним временем, но рамками последней четверти VIII века, по-видимому, следует датировать погребение №350, содержащее серебряную фибулу, аналогичную фибуле из захоронения №164“Б”. При общей близости погребального инвентаря данного захоронения к инвентарю погребения №164“Б” (Рис.1: 11—14, 16—18), он имеет существенные различия. Так, из погребения №350 происходит серебряная безъязычковая пряжка, которая уже существенно отличается от подобных пряжек из захоронения №164“Б”. У данной пряжки рамка уже неподвижная, хотя еще имитируется шарнирное соединение, столь характерное для изделий предшествующего хронологического периода. Прямоугольный штифт пряжки орнаментирован ажурным растительным орнаментом уже в типично “классическом” салтовском стиле — в виде цветка лотоса на высоком стебле (Рис.1: 18). Таким образом, в данном изделии переплетаются черты характерные как для ременной гарнитуры раннесалтовского времени, так и для поясных наборов “классического” салтовского времени, что позволяет говорить о принадлежности данного изделия к поясным наборам переходного горизонта (60—80-е г. VIII века)⁸.

Вероятно, этим же временем следует датировать и захоронение с серебряной фибулой №397. Как и в предыдущих двух погребениях

ниях в нем вместе с фибулой были найдены два бронзовых браслета с утолщенными серединой и концами и две серебряные височные подвески с 14-ти гранником (Рис.1: 5, 9). Наряду с этим в погребении присутствовали бронзовая фигурная подвеска с шарнирным узлом для крепления подвижного кольца (Рис.1: 6), а также серебряная копоушка с сердцевидной подвижной подвеской, соединенной к телу копоушки с помощью того же шарнирного соединения (Рис.1: 8). Шарнирное соединение частей является характерной чертой изделий раннесалтовского хронологического горизонта. В то же время, в захоронении №397 был найден серебряный перстень с металлической вставкой, удерживаемой четырьмя крестообразно расположенными лапками. Металлическая (серебряная) вставка перстня была украшена гравированным растительным орнаментом в виде четырех бутонов лотоса на длинных стеблях, образующих крестообразную фигуру (Рис.1: 7). Стилистические особенности данного изображения позволяют отнести к начальному этапу освоения лотосовидного орнамента салтовскими мастерами (конец VIII—начало IX вв.)⁹. Все это позволяет датировать данное захоронение последней четвертью VIII в.

К сожалению, в других исследованных захоронениях с фибулами Нетайловского могильника узко датированные вещи отсутствуют. Несмотря на это, нам представляется, что рассмотренные фибулы могут считаться как своеобразный хронологический индикатор, маркирующий салтовские комплексы второй половины VIII века, т.е. периода создания салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца. Для “классических” салтовских древностей характерны совершенно другие фибулы, и к тому же меньшие по размеру¹⁰.

Достаточно показательным, как нам представляется, является набор личных украшений из захоронений с фибулами Нетайловского могильника. Так, в трех (№164“Б”, 350, 397) из пяти захоронений был представлен полный набор женских украшений, включавший в себя одну арбалетовидную фибулу, две массивные полые серебряные височные подвески с 14-ти гранником, два массивных браслета с валикообразными утолщениями по середине и на концах (Рис.1: 4, 5, 9, 10–12, 15–17). Еще в одном погребении (№398) был представлен не полный набор. Он состоял из арбалетовидной фибулы и только одной бронзовой височной подвески с 14-ти гранником (Рис.1: 2, 3). Все это дает представление о полном наборе личных украшений погребенных женщин. Как часть сакрализованного комплекса женского костюма, весь набор личных украшений вряд ли мог служить предметом торговли или обмена, что, правда,

нельзя сказать в отношении отдельных вещей. Пример тому: бронзовый браслет с расширением по середине и на концах был найден в захоронении женщины из катакомбы №4 Рубежанского могильника¹¹. Все это позволяет предположить, что данные полные наборы личных украшений следует рассматривать и как своеобразный этноопределяющий признак.

Подобные наборы, состоящие из фибул, в том числе и типологически близких нетайловским, массивных литых браслетов с характерными утолщениями на концах и посередине спинки, а иногда и с височными привесками с 14-гранников в VIII–IX вв. происходят исключительно из памятников горной Чечни и Дагестана¹². При этом, Дагестан рассматривается большинством исследователей как область возникновения и наибольшего распространения височных подвесок с 14-ти гранником¹³. Учитывая это, а так же факт наличия подобных нетайловским фибул и браслетов в основном на памятниках VIII–IX вв. Дагестана и Чечни, можно выделить в бассейне Северского Донца группу погребений второй половины VIII в., принадлежащих первым переселенным сюда хазарским правительством выходцам с Северо-Восточного Кавказа.

¹ Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. — Киев, 1981, с.83–86.

² Пархоменко О. В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. // Археологія. — 1983. — № 43, с.83–84, рис. 8: 1

³ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э.–IV в. н.э. // САИ. — 1966. — Д1 — 30, с.46, табл.6: 9; 4, с.130, рис.15: 8; 5, с.143, рис. 6: 10–13, 7: 1

⁴ Багаев М. Х. Из истории фибул Северо-Восточного Кавказа (Чечня и Дагестан) // РА. — 2004. — №2, рис.6: 8

⁵ Иванов А. А., Копылов В. П., Науменко С. А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Дона и Сала // Донская археология. — 2000. — №1, рис.3: 8, 9

⁶ Белік О. О. Поясні набори горизонту Столбіще–Старокорсунська з поховань лісостепового донського варіанту салтівської культури (до проблеми хронології) // Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали Міжнародної наукової конференції 17–18 травня 2002 р. — Луганськ, 2002, с.17; 8, с.414, рис.1: 130, 141, 148, 154

⁷ Семенов А. И. О датирующих способностях византийских солидов VII–VIII вв. // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. — Краснодар, 1993, с.94–95

⁸ Белік О. О. Поясні набори горизонту Столбіще–Старокорсунська з поховань лісостепового донського варіанту салтівської культури (до проблеми хронології) // Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали Міжнарод-

ної наукової конференції 17–18 травня 2002 р. — Луганськ, 2002, с.15; 8, с.414–415; 10, с.129–132, табл.4

⁹ Фоякова Н. А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. — 1986. — №3, с.45

¹⁰ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989, рис.59

¹¹ Аксенов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. — 2001. — №1–2, рис.6: 18

¹² Багаев М. Х. Из истории фибул Северо-Восточного Кавказа (Чечня и Дагестан) // РА. — 2004. — №2, с.144

¹³ Атаев Д. М. Височные привески с четырнадцатигранником // СА. — 1963. — №3, с.235